

Константин Павлов

ПОРОГИ

СОДЕРЖАНИЕ

Зимние игрушки	3
Пряники для мамочки	6
Просто она	9
Звёздочка Таня	11
Обманчивая в истине пора... ..	20
Средь бела дня... ..	23
Страсть и власть управляют нами... ..	26
А если жизнь сложить в стихи... ..	27
Как много придумано романов... ..	28
Мудрец слывет у нас лукавым... ..	30
Лебединая песня	32
Путь наш не с образами... ..	34
Странный и жестокий приговор... ..	35
Туман, бродя в воспоминаньях... ..	37
Положила лапы мне на плечи... ..	39
Не жалею, что стали дни короче... ..	40
Ночная элегия'	43
Кругом бело, везде бело... ..	44
Когда, с какой глуши... ..	45
Осенний лес, осенний лес... ..	47
Эх, зима ты, зима... ..	48
Когда уходишь, уходи... ..	49
Любовь, как говорится, зла... ..	51
Не так всё, не к месту... ..	52
Если сердцу не в такт... ..	53
Ночь темна. Не до сна... ..	54
А мы любить с тобой... ..	56
Этюды	57
А есть ли бог?.. ..	61
Морозящий день – это день такой... ..	63
Кто-то видит красивый букет... ..	64
Вечерние бары в рабочих посёлках... ..	65
Перезвоны церковей... ..	67
Разбудите зарю... ..	69
Ночь тени навела на фонарей ресницы... ..	70
Я не скажу тебе сегодня: до свиданья... ..	71
Бывает в жизни «вечная весна»... ..	72
Хотела, как лучше... ..	73
Карма – судьба. Говорят, от судьбы... ..	74

Наши встречи, словно свечи...	76
Я устал от душевных скитаний...	77
Это просто зимний вечер...	78
Вот так всегда – лицом к лицу...	80
Пусть уходит зима...	81
Вот бы так – не расставаться...	82
Не спрашивай. – Что же со мной.	84
Когда ликуют люди – люди плачут...	85
Я в бессонную ночь ухожу...	86
А помнишь, нежные снежинки...	88
Ты знаешь, лучше не встречаться...	89
Да, пожалуй, любовь – это близость...	91
Любовь, она – не вздохи и не охи...	92
Я, наверно, вернусь...	93
За твои веснушки, за твою красу...	94
Я не уеду, не уйду...	95
Погас костёр, рассыпалась зола...	96
Назови себя счастливым...	98
Не ищите меня...	99
В комнатах застыла тишина...	100
...Было все искусственно и тупо...	102
Мне на судьбе начерчены дороги...	103
Храни меня, любовь...	104
Алое солнце утро разбудит...	105
Я люблю тебя, Алиска...	106
Чей же чубчик...	107
Дайте в руки мне свирель...	108
У Лисёнка лезут зубики...	109
Я – Лисёнок...	110
Тяжёлое время – прощаться...	112
Сгорело в памяти моей...	113
То ли буря, то ли гром...	114
Что за дикое пижонство ...	117
Была – Русь...	118
Спасибо, сын...	120
Бывает ночь сладка...	121
Я теперь неделим...	123
Уже не тридцать три...	124
Прощай, осенняя усталость...	125
У каждого у нас...	126

Зимние игрушки

Пурга вертела и кружила, стонала и извивалась, окутывая город белоснежной пылью, а он стоял у магазина, переминаясь с ноги на ногу, прикрыв лицо белым офицерским шарфиком. Издали он был похож на молодого щёголя-лейтенанта: худощав, подтянут. Эх, если б скинуть Сергею Валентиновичу лет двадцать, проведенных на капитанском мостике, да подчернить высеребренные морскими ветрами виски... Впрочем, седина-то пошла не от моря: от беды пошла.

...Десять лет ждали они с женой ребенка. Уже отчаялись, но вдруг... Счастью не было предела. Все мысли, заботы, разговоры – о Васютке. Долгождан- ный малыш заполнял все уголки потеплевших сердец. Светлана после беременности даже помолодела лет на десять, вся расцвела, зато для Сергея каждый день очередного рейса тянулся вдвое дольше.

...Решили тогда они: этот рейс будет последним. Как бы там ни было, но последним. Корабль бороздил воды Тихого океана. Дней через десять – одиннадцать – домой. И опять снился Васютка, улыбка жены, теплый домашний очаг. Он, наверное, снова улыбался во сне... Сергей проснулся от

упорного стука в дверь каюты: «Товарищ капитан второго ранга, Сергей Валентинович, вас срочно в радиорубку...».

...В глазах потемнело, но он устоял на ногах... Хотелось выть и стонать, но он только стиснул до боли зубы, почувствовав привкус крови на дёснах... Хотелось не верить. Нет, этого не может быть, это ошибка... И снова летели радиограммы на Большую землю, и снова ответ: «Подтверждаю, подтверждаю...». Это была ПРАВДА: их сын, их маленький сынишка, их нежный малыш с глазками-бусинками... умер! Врачи перед пневмонией были бессильны...

...Вот тогда-то, открыв дрожащей рукой свою квартиру, увидев безумные глаза жены, в которых уже не было слёз, вот тогда-то, упав перед женой на колени и зарывав от боли и отчаяния, не стесняясь никого на свете, вот тогда-то, подойдя через несколько дней к зеркалу, он впервые увидел свои седые пряди волос... И этот рейс стал действительно последним...

...День рождения сына, которого уже не было, они встречали вдвоем, в молчании. На столе стояла Его фотография. Почти год прошел, но ничего не забылось (не забылось это и сейчас, хотя прошло около пятнадцати лет)... И вот тогда-то, за этим совсем не праздничным столом, в молчании, у Сергея почти инстинктивно родилась мысль... Игрушки, которые бы он подарил в этот день своему

маленькому сыну, он подарит другим детям. Снял с книжки все до копейки, они с женой направились в «Детский мир». Такого продавца магазина не видели никогда в жизни. Ни один ребенок, зашедший в этот день в магазин, не остался без игрушки. Каждый выбирал то, что ему понравилось...

Мне в тот день подарили детское ружьё, стреляющее пробками: моя давняя мечта. Когда я пришёл домой и показал это ружьё, первый вопрос моей мамы был: «Где ты его взял?»... Наверное, я что-то сумбурно пытался объяснить про «доброе дядю», но это звучало не убедительно, и, взяв меня за руку, мама направилась в магазин. «Добрый дядя с тётей» все ещё стояли у магазина, хотя магазин уже закрывался. Из желающих разобраться, что же всё-таки произошло и откуда у ребёнка игрушки, моя мама была в этот день не первой и не последней... Помню, когда мы шли обратно, она плакала, а я нес своё ружьё, счастливый, и не мог понять, почему у неё на глазах слёзы. Позже я часто забегал в гости к дяде Серёже, да и не я один... Их квартира ежедневно наполнялась детскими голосами, а тётя Света всегда всех угощала чем-нибудь...

...С тех пор прошло около пятнадцати лет. И каждый год в этот морозный день они дарят уже другим детям «зимние» игрушки. Их знают продавцы, и знают дети... Год назад тётя Света не

дождалась Дня рождения своего сына... Сергей Валентинович остался один. Один – среди февральской пурги...

И пурга вертела и кружила, стонала и извивалась, окутывая большой город белоснежной пылью, и он стоял у магазина, переминаясь с ноги на ногу, прикрыв лицо белым офицерским шарфиком...

г. Мурманск, 1985 г.

Пряники для мамочки

Анатолий Иванович долго не мог уснуть: весь вечер кто-то царапался в стену, плакал там, за стеной, но к полуночи всё стихло. На следующий вечер повторилось то же самое.

– Лиза, ты спишь? – обратился он к жене. Та сонно зевнула в ответ. – Ну и соседи нам попались: то пьяные глотки рвут всю ночь напролет, то в стену царапаются...

– А что ты хочешь от одинокой матери-алкоголички, потаскухи, б...? – нервно отозвалась Лиза. – ...Пусть хоть зальется, ребенка только жалко: маленький еще.

– Лиз, а Лиз, – попытался Анатолий Иванович расшевелить жену, – ты когда в последний раз видела эту б...?

– Да три дня назад с какими-то грузинами на машине вечером укатила вся размалёванная... У-у, спи ты...

– Засыпая, Анатолий Иванович услышал снова приглушённый плач и содрогнулся от догадки...

– А сколько её ребёнку?..

– Года три... Дашь ты мне спать сегодня? Заколебал. Спи...

– А ну вставай скорей, – он сорвал одеяло и стал поспешно одеваться.

– Ты куда?

– В милицию звонить..., – отозвался Анатолий Иванович уже в коридоре.

...Дверь пришлось выбивать. Из комнаты пахло винными запахами и гниющими продуктами. Посередине стоял неубранный стол с пустыми бутылками, а под ним на голом полу в одних грязных трусиках...лежала девочка лет трех. Сержант взял ее на руки, а в ответ послышался лишь жалобный стон.

– Да у нее жар. Нужно срочно скорую..., – и Анатолий Иванович побежал к телефону.

– Как тебя зовут, маленькая? – Лиза прижала ребенка к груди. Девочка испуганно смотрела на нее, прикрывая лицо руками, будто боялась, что её сейчас ударят. – Какая ты худенькая, бедная?.. А что ты кушала?..

Девочка полезла маленькой ручонкой в трусики и достала оттуда листик какого-то домашнего растения. Глаза Лизы скользнули по комнате: у батареи на полу, среди пустых бутылок, стояли два горшка с цветами, но вместо цветов из них торчали лишь стебли.

– И ты это кушала? – она с ужасом посмотрела на девочку.

– Да, – ответила та, вернее, не ответила, даже не прошептала, а лишь пошевелила губами.

У Лизы застыло сердце...

Буквально через несколько секунд в комнату вошли двое в белых халатах. Лиза укутала девочку в одеяло и побежала к машине...

– Кушать хочется, тётя, кушать хочется, – застонала девочка.

Лиза хотела увидеть её лицо, но не смогла: слёзы застилали глаза. «Скоты, скоты, скоты...», – шептали её губы.

– Вот, держите, больше с собой ничего нет, – врач передал несколько пряников.

Девочка жадно впиалась своими зубками в один из них, а остальные, озираясь как зверёк, стала прятать к себе под одеяло.

– Не надо прятать, маленькая, там тебя накормят, – Лиза уже еле сдерживалась, – не надо, не надо...милая, любимая моя, дитё моё.

Она попыталась взять остальные пряники, но девочка укусила ее за руку. Потом виновато потёрла руку Лизы о свою щёку и прошептала:

– Тётя, это для мамочки...

...Вой сирены зубами впиался в ночную тишину стального города и разрывал её на части.

г. Вологда, 1989 г.

Просто она...

Был мокрый осенний вечер. Холодный ветер, казалось, продувал всё насквозь. Прохожие поднимали воротники курток и плащей и недовольно ёжились от скатывающихся за шиворот ледящих ручейков. Они всё куда-то спешили: то ли действительно по делам, то ли поскорее скрыться за тёплыми стенами уютных квартир.

Лишь одна маленькая, сгорбившаяся старушка никуда не спешила. Ей некуда было спешить. Капли дождя били её по лицу, скатывались с седых прядей волос, пропитывали ватник.

Наверное, это очень неприятно, когда тебя бьют по лицу, пусть даже это капли дождя. Но она ничего не чувствовала: она привыкла. Сколько раз её была жизнь в лицо и по лицу... Нет, она не чувствовала боли, уже не чувствовала...

...Она была коренной ленинградкой, перенесшей блокаду и разруху.

Когда-то она свято верила в идеалы светлого будущего, верила в Сталина, потом – в Хрущёва, позднее – в Брежнева...

Семьи у нее так и не сложилось.

Прошло время, много времени прошло. Она жила в крохотной комнатке всё той же коммунальной квартиры, выделенной по чьей-то доброте после войны вместо разрушенного дома, в котором она когда-то жила.

Она получила пособие. Нет, не пенсию, а пособие, потому что её трудовые документы так затерялись в пыли лет, что трудно было найти какие-либо концы. Да и искать-то было некому...

Она зимой, весной и осенью носила ватники, а летом – потёртое платье «в цветочек».

Она каждый день в любую погоду с восьми утра бродила по улицам и собирала пустые бутылки, а на обед заходила всегда в одну и ту же столовую.

Она ела мало, тщательно пережёвывая пищу и обязательно брала с собой несколько ломтиков хлеба, бережно заворачивая их в синий носовой платок.

Она никогда никому не рассказывала о себе и не жаловалась на судьбу: она была гордой.

Только иногда она вдруг останавливала совершенно незнакомого человека и спрашивала его о понимании справедливости и добра, за что многие считали её сумасшедшей и сторонились.

...Она умерла мокрым осенним вечером, когда холодный ветер, казалось, продувал всё насквозь. Когда прохожие поднимали воротники своих курток и плащей и недовольно ёжились от скатывающихся за шиворот ледящих ручейков.

...А по телевизору в этот вечер шли фрагменты трансляции с очередного Пленума, где умные мужчины и женщины говорили умные фразы о гласности и демократии, о правах человека и социальных гарантиях.

Дворец съездов «шумел» от аплодисментов...

За окном, на улице шумел дождь...

Мой сосед по комнате зубрил «кирпич» по истории КПСС, я конспектировал работы В.И. Ленина. Завтра был экзамен..., который мы впервые отказались сдавать...

...Просто она умерла в одном из глухих ленинградских дворов, не дойдя пятидесяти метров до своего подъезда. Она умерла от истощения... Так и не найдя справедливости в нашей самой справедливой стране.

Все было просто, но эта «простота» заставляет меня вздрагивать и сегодня.

Вы случайно не знали её?..

Ленинград, 1987 г.

Звездочка «Таня»

После знойного июльского дня ветерок приятно шевелил густые кроны деревьев. В парке стало сумрачно и безлюдно, и только вдаль, на скамейке, виднелся силуэт человека. Я возвращался от своего друга Сашки.

Поравнявшись с дальней скамейкой, я увидел юношу, сидевшего ссутулившись и подперев голову руками. Я сел рядом. Сосед глянул исподлобья и принял прежнее положение. Наступило гнетущее молчание, нарушаемое лишь шелестом тёмной листвы.

Наверное, это может показаться несколько глупым, но я почувствовал желание понять его. Почему он здесь один? Что ему нужно одному? Юноша не был похож ни на пьяного, ни на влюблённого, ждущего свидания со своей любимой. Что-то обречённое было во всей его фигуре. Смушал только чёрный костюм «с иголочки» и белая рубашка с галстуком. В таком наряде парня в станице можно увидеть разве что на собрании или во время свадьбы. Ну а тут... Молчание стало невыносимым.

– Что случилось? – спросил я.

Юноша, не спеша убрав руки со лба, так же ответил, глядя в даль парка:

– Сегодня у неё день рождения...

– А почему ты тут, раз у Неё день рождения?

Он вдруг весь повернулся ко мне, и я увидел его глаза, от которых у меня побежал мороз по коже. Они смотрели на меня безумно открыто, и только влажный блеск выдавал что-то теплившееся в глубине этой, совершенно чужой мне души.

– Но ведь её нет. Она была, понимаешь... Была! Больше её никто никогда не увидит...

Юноша замолчал и, сунув мне в руки фотокарточку, отвернулся. Сквозь сумрак ночи на меня смотрело улыбающееся милое девичье лицо. Чёрные густые волосы тугой косой падали через плечо. Открытые красивые глаза смотрели «в упор». От них стало не по себе: очень уж они контрастны

были с парком, скамейкой, с Ним, со всем, что нас окружало...

Если бы я познакомился с Андреем где-то в другом месте или при других обстоятельствах, если бы я не видел этих плеч, я бы никогда не поверил, что и такие сильные люди могут плакать.

Говорить об этом может показаться лишним, но в правде лишнего не бывает. И хотя на этот разговор никто своего согласия не давал, я всё-таки чувствую его необходимость: слишком много плачемся о несбывшихся надеждах и несостоявшемся счастье. Только поэтому я и хочу рассказать очень маленькую историю о большой любви...

«...Мы подружились в десятом классе. Учился я, честно говоря, слабовато, с тройками.

Таня была комсоргом. Жили мы недалеко друг от друга, и всё началось с того, что она стала помогать мне: решать домашние задания по физике. У меня даже появился интерес к этой науке, но всё-таки больше радости доставляло сидеть с ней рядом, слушать её.

Помню, когда я пригласил Таню первый раз в кино, она запротестовала: «Нам ещё восемь задач решить надо! Никакого кино», – но всё же согласилась пойти на последний сеанс.

Незаметно дружба переросла в нечто большее. Мы уже не могли друг без друга, всё время были вместе: «Андрюха, надоешь ты ей. А дальше что! Нельзя же всё время быть вдвоем. Смотри, сколько

рядом симпатичных девчонок, а ты как привязанный. Да ведь и она может надоесть тебе...»

Дурак я был: поверил, что так будет лучше. Верил в её любовь, а всё-таки боялся надоест. Ежеминутно думал о Тане, а сам стал частенько бывать в Степиной «гоп-компании».

И вот как-то вечером, подвыпившие, провожая домой девушек, мы шли по нашей улице. Я случайно заметил около своего дома знакомое лицо. «Таня!»

В голове сразу прояснилось, мне стало горько и стыдно. Из нашей компании больше никто её почему-то не заметил. Я сделал равнодушный вид, и мы прошли мимо...

На следующий день я в школу не пришёл, ночью тоже не мог уснуть. Таня не приходила. Впервые я чувствовал себя подлецом, не мог простить себе этого. А она простила. Понимаешь, простила: на третий день кто-то постучал в окно. Выйдя во двор, я увидел на крыльце букет красных роз. Ни слезы, ни упреки, ни обида...ничто, наверное, не подействовало бы на меня с такой силой, как этот букет роз. Как важно, чтобы в тебя верили.

Больше никогда мы не ссорились...

Подождав, пока пройдут госэкзамены, Танина семья переехала в Волгоград. Кстати, на экзамене по физике я получил четвёрку. Таня радовалась за меня как ребёнок.

В девятом классе я стал заниматься радио-конструированием и теперь хотел получить специальность радиотелемастера. В конце июля Таня уехала в Волгоград поступать в институт, а мне по семейным обстоятельствам нужно было поработать.

Каждый день я с нетерпением ждал письма, которое перечитывал по несколько раз. Мы виделись каждую субботу и воскресенье. Шли месяцы...

В один из мартовских дней вместе с письмом от Тани почтальон принес повестку явиться в военкомат. Узнав об этом, Танюшка сразу же приехала и была со мной целую неделю...

– Два года, это ведь не очень много... Я всегда с тобой...

Автобус медленно тронулся.

– До встречи, Таня...

Попал я служить радистом в Мурманскую область. За время службы Таня несколько раз приезжала ко мне. Да, есть что вспомнить: армейская служба до сих пор, как говорится, дает о себе знать. Переписываемся, иногда ездим друг к другу в гости. Вот и вернулся я в деревню с другом Василием. Побросала его судьба: детдом, спецшкола, СПТУ. В армии сошлись мы с ним, да и теперь как родные братья.

...Весна также, как и два года назад, вступила в свои права. Поезд замедлил свой ход, показалось

знакомое здание вокзала с крупными буквами «ВОЛГООГРАД».

Через несколько секунд я ощутил через куртку свежий прохладный ветерок, осмотрелся. На перроне мелькали чужие лица, сумки, чемоданы; никто не встречал.

Я подхватил спортивную сумку и зашагал к автобусной остановке.

– Андрей!

Еще секунда, и наши руки слились в объятиях...

Не знал я тогда, что ждёт нас впереди. А пока мы были счастливы. На следующий день подали заявление в загс. Танины родители радовались за нас. Я не хотел письмом сообщать своим родителям о предстоящей свадьбе. И, хотя моя мама и предвидела это, наш приезд вчетвером был бы большим сюрпризом.

Кто знал, что вместо приятного сюрприза...

– Ну вот, Танюшка, через час будем дома.

Через вагонное окно в ослепительных лучах солнца виднелись поля и лесопосадки с буйствующей весенней зеленью. Таня тихонько запела:

«...А у нас на озере лилии цветут,
И мою любимую Лилией зовут.
Поплыву на лодочке, я цветов нарву,
И тебе, любимая, я их подарю...»

Андрей нежно гладил её густые волосы и, задумавшись о чём-то, задремал.

Когда через несколько минут Андрей открыл глаза, Тани не было. Пять минут, десять...

«Наверное, ушла к маме», – и он пошел в соседний вагон.

– Не спеши, паренёк, – чья-то рука опустилась на плечо.

В тамбуре стояли трое изрядно подвыпивших молодых парней. Через проём открытой двери вагона мелькала железнодорожная насыпь.

– И этот туда просится.

В руке мелькнул нож...

Андрей на минуту замолчал, и я почувствовал, как трудно ему сейчас говорить, переживать всё заново.

«...Её нашли уже мёртвой.

Ножевой удар пришелся под сердце. Потом был суд. Я долго не мог прийти в себя. Всё, что раньше казалось обычным, стало каким-то особенным, разделённым на «чёрное и белое». С тех пор не пью и больше всего на свете ненавижу подонков... У тех троих родители оказались, кто «зав.», кто «зам.»... Деньги предлагали за изменение показаний.

Через три месяца уехал на Север. Думал, уйду с головой в работу, всё утрясётся, изменится. Но , напрасно...

Некоторые из товарищей меня не понимают: «Ты, – говорят, – ангелочком собираешься всю

жизнь быть? Возьми себя в руки».

Ну, в руки я себя давно уже взял, только вот шестой год покоя себе не найду.

«Иной раз кажется, что распахнется дверь и войдет она. Ночью тоже часто снится...»

Андрей оборвал разговор. По дороге к берегу, где мы сидели, ехали три мотоцикла.

– А, вот ты где пропадаешь?

Друзья Андрея после рабочего дня тоже приехали освежиться. В тот день я познакомился с Василием. Простой, жизнерадостный парень. Он все время шутил, рассказывал интересные истории, так что долго в сумерках, освещаемых красным пламенем костра, раздавался дружный смех.

Обратно шли пешком, мотоциклы катили. Андрей о чем-то спорил с Генной, остальные напевали под гитару. А мы с Василием шли последними.

– Вон, взгляни на небо. Видишь ту яркую звездочку. Эту звездочку мы называем «Таня».

Всё было как-то сказочно, необычно, прямо нереально, и я ответил:

– Так не бывает.

– Что не бывает?... Василий внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Тебе Андрей рассказывал?..

Я кивнул головой.

Тогда он встал передо мной, лицом к лицу, и сказал :

– Бывает!... Значит, бывает. А нам...нам, может быть, этого ещё не понять.

Тёмная ночь окутала сумраком шоссе, и только далеко, справа, виднелись редкие огоньки станицы. Я поднял голову вверх посмотрел на маленькую звёздочку «Таня», а вспомнил черно-волосую девушку с красивыми открытыми глазами.

– Не отставай, Котик-братик, -- раздался приветливый голос Андрея...

Ст. Выселки,
1986 г.

* * *

Обманчивая в истине пора.

Законченная дерзкая

эпоха.

Мы правы – уверяли

нас с утра,

А к вечеру все оказалось

плохо.

Мы за ценой, как встарь,

не постоим,

Не потому, что

нравственны, как боги:

Кто нам заплатит,

если недоим,

За то,

что мы нелепы и убоги?

Не жальтесь на тоску

покосых хат,

Не плачьтесь,

говорят, слезам не верят...

И мы скорей поверим

в слово «Блат»,

Чем в широко распахнутые двери.

...А нежные – бывают

так грубы,

А добрые – бывают

так жестоки.

В грязи испачканные
звёзды,
Толпой поруганные
звёзды,
В укор горели
на груди.

1987 г.

* * *

Страсть и власть управляют нами:
Две великих подданных века.
Жажда не утолить словами,
Жажда требует человека.

Жажда требует гнуть и править,
Утоление не знает меры...
Разве можно кого-то славить,
Коль живём столько лет без веры...

* * *

А если жизнь сложить в стихи
Во времена жестокой прозы?
Но отпускаются ль грехи,
Когда не выплаканы слёзы?!

И что важней всего сберечь:
Любовь, рассудок, бесшабашность?
Чтоб память перестала жечь,
И на душе была лишь ясность...

В ней мудрость не отяжеляет век.
Будь свят и вечен,
белый снег России,

Моей

России

чистый

добрый снег.

1990 г.

Лебединая песня

М.В.

Плачут дети: тридцать третий,
Хлебной корки

не найдёшь.

Допоздна лучина светит.

...Что ты, женщина, поёшь?

Спи, дочурка, спи:

бай, бай,

Поскорее засыпай,

А я во поле пойду,

Лебеды на суп найду.

Сварим дома суп и кашу,

И накормим нашу Машу,

Мы накормим и Тимошку

Из природного лукошка.

Сон целебный ваши силы

Бережёт на новый день.

Станут деточки красивые,

Словно стая лебедей.

Ветер тучку погоняет,

Моя дочка засыпает.

Спи, дочурка, спи:

бай, бай,

Поскорее засыпай...

Мать смахнет слезу

с ресницы

Сходит к речке за водой.
...Но не снятся детям
птицы,
Снится каша с лебедой.

* * *

Путь наш не с образами:
Переломанный век...
И встают пред глазами
Сотни тысяч калек.

Время крушит и рушит:
Снова в бой – до конца!
Позапутаны души,
Поостыли сердца.

Но по той же дороге
Посылая детей,
Снова видишь остроги,
Слышишь плач матерей.

И сорвутся до крика –
«Ну не люди вы, что ль?!»
Три священнейших лика:
Вера, правда и боль...

* * *

Странный и жестокий приговор:
Десять лет без права переписки.
Проводила сына мать за двор.
Ела лебеду, ботву, очистки.
Мыла пол в столовой номер пять,
Прикреплённой к местному райкому.
И себе шептала: надо ждать,
Хлопоча в хозяйстве и по дому.
Штопала штаны ему, носки.
Шила занавески – на рубашки.
И не раз в отместку пацаны
Вражине бросали в дом «фугаски».
В материнском сердце билась боль,
И, найдя забытую игрушку,..
Будто кто-то сыпал в рану соль:
Ветер не высушивал подушку.
Не приходит в дом беда одна:
Как-то мать пришла,

а вместо дома

Чёрная, обугленна стена.
Только печь в золе стоит, знакома.
Только не осталось больше слёз,
Иссушило горе, словно глину.
...Через полстраны шёл паровоз.
«Куда едешь, мать?» – «На встречу, к сыну».
Я молчал. Я нервно закурил.
Я устал реальность понимать.

Я часы с браслетом подарил:
«Передай же сыну, слышишь, мать...»
Я боялся ей в глаза смотреть:
От земли до неба путь неблизкий:
Десять лет без права переписки
У юристов означало –
смерть...

* * *

Д.Б.

Туман, бродя
 в воспоминаньях,
Уронит в землю медный крест.
И зазвенит земля
 в стенаньях,
И помертвеет все окрест.
Взгляни, вон лес крестов
 безликих,
Асфальт – надгробная плита.
Поди-ка, поищи великих...
И так верста, верста,
 верста...
Иди хоть прямо, хоть левее,
Иди, как хочешь, на восток,
На юг, на север,
 что ж, смелее,
Не бойся каторжных дорог.
Они давно уж
 магистрالی
Со словом «скорость»,
 а не «срок»,
Кресты в семнадцатом
 слетали,
Кто видел –
 в тридцать третьем слёг.

И вот спустя десятилетия

Опять упал

на землю крест.

Туман ли? Баловались дети?

Но вдруг все замерло окрест...

Глядим с испугом:

может, правы

Кто не кричал в толпе –

ура!

Вы были правы –

стали травы.

Что с нами будет до утра?..

* * *

Положила лапы мне на плечи
В полумраке стылых улиц вьюга.
А в квартирах зажигают свечи,
А в квартирах смотрят друг на друга.

А в квартирах есть свои заботы,
Счастье есть, надежды, ожидания.
И живут движеньем эти соты
По законам улья мироздания.

Стены, стены, а за ними море:
Волны снега затопили сушу.
Стены, стены, а за ними горе
Заливает болью чью-то душу.

Только ведь природа не в ответе.
Было время – вьюга не помеха;
Было счастье, пусть другим же светит.
Видно было хрупкое...из смеха.

Было...и осталось в прошлом лете.
Я оглох. Я нежное не слышу.
Я иду по миру в белом цвете,
А в затылок только вьюга дышит.

Положила лапы мне на плечи
В полумраке стылых улиц вьюга.
А в квартирах зажигают свечи,
А в квартирах смотрят друг на друга...

Не укрылась память,
как хотел,
От недоцелованного
счастья,
От недолюбивших
душ и тел...

Ночная элегия

Расписался последним узором
На замёрзшем окошке февраль,
И в преддверьи хрустальной капли
Стало что-то ушедшее жаль.

Снег осевший уже не искрится,
И метель не скребётся к нам в дверь,
Это всё нам теперь только снится.
Невозможно прожить без потерь.

Наша жизнь – вереница мгновений,
Что прошло, то уже не вернуть.
...Да, в минуты таких настроений
Очень трудно порою уснуть.

* * *

Кругом бело, везде бело,
И солнца луч какой-то белый,
Тропинки снегом замело,
Ну а мороз сегодня смелый,

Ядрёный нынче-то мороз,
И воздух плотен до предела.
Мальчонка трёт замёрзший нос
Снежком, как маменька велела.

Старик бурчит: «Да, эт не Крым,
Сугробы в метр. Морозно. Тихо».
И только крепкий белый дым
Из труб печных струится лихо.

Вхожу в избу, за мною пар;
От снега в коридоре лужа.
– Сашок, давай-ка самовар.
Замёрз я. Ух, какая стужа!

1986 г.

* * *

Когда, с какой глуши,
я не пойму,
И кто с такими глупыми речами
О том, что провожают
по уму,
Случайно к нам
в двадцатый век причалил.
Встречают по одежке,
как и встарь,
А провожают нынче по
сберкнижке,
С нулями в ней ты бог
для всех и царь,
А без нее...таких везде
в излишке.
«...Ну что ты, юноша,
заладил про любовь,
Её ведь нужно оплатить
по счету.
Пусть не сейчас, когда
играет кровь.

* * *

Осенний лес, осенний лес,
Ты нас зовёшь в страну чудес,
В страну прекрасных дум и грёз,
В страну рябинок и берёз.
Вот под холмом бежит ручей,
Вот тропы тайные зверей.
Идут, смеются грибники,
(В корзины загляни-ка),
В одной лежат боровики,
Ну а в другой брусника,
А в третьей тоже что-нибудь...

...

Бери дары, но не забудь,
Что лес встречает хорошо
Людей с открытою душой.

* * *

Когда уходишь, уходи;
А если нет, к чему же рвенья?
Когда уходишь, уходи;
И если прав, без сожаленья.

Пускай любовь горит огнём,
Измены тоже не забудешь.
Она как туча ясным днём:
Ну что ж, насильно мил не
будешь.

Сумей переступить черту,
А если нет, то где же воля?
Сумей покинуть гордо ту..
Хоть не из лучших эта доля.

Пусть будет очень тяжело,
Не поддавайся угнетенью!
Будь там, где весело, светло,
И не ходи суровой тенью.

А может тихий, добрый лес
Излечит на сердце все раны,
Иди, иди в страну чудес,
Туда ходили все Иваны.

Когда уходишь, уходи;
А если нет, к чему же рвенья?
Когда уходишь, уходи;
И если прав – без сожаленья.

1986 г.

* * *

Любовь, как говорится, зла...
Но можно ли любить козла?..

От радости или со зла
Коза
 всегда найдет
 козла.

* * *

Если сердцу не в такт –
рви,
Если схвачен «впросак» –
ври.
Если совесть черна –
сядь.
Если связь не одна –
блядь.
Если все хорошо –
чушь.
Если нет больше сил –
сушь.
Если пара друзей –
свет,
Если больше –
их вовсе нет.
Если есть свой очаг –
тыл.
Если сам себе враг –
был.
Если ты все познал –
мрак.
Если что не успел –
дурак.

И на волю пробьется
едва ли...
Я не плачу. Не видеть тебе
моих слёз
И души раскраённой
не видеть!
Я плачу
за несбыточность счастья и грёз,
И учусь в первый раз
ненавидеть.
...Ночь темна. Не до сна.
Тускло светит луна.
Только чай на столе вместо пива.
Ты сегодня одна,
все вкусивши до дна...
Неприкаянна
и некрасива.

Этюды

I

С добрым утром, мои дорогие:
Степи, рощи, леса и поля!
Вы сегодня немножко другие,
Белоснежную стала земля.

Первый снег, первый лед,
первый иней.
И под алою краской зари
Снег искрится: то белый,
то синий;
Ну а вон, посмотри, снегири

Погостить в сад пустой залетели
И поют свою зимнюю трель,
Значит, ждать надо первой метели,
Допоеет нам их песню метель.

II

В рассветной синей полумгле
Стою у Вологды-реки.
Здесь ни души, но там, вдали,
Сидят и курят рыбаки,

И деревянные дома
Видны в реке – за тенью тень,
Вот показался солнца шар,
Неся с собою новый день...

Я очарованно смотрел,
Как солнце плыло над землёй.
Гудок парома на реке
Нарушил утренний покой.

III

Даль туманна, воздух крут,
Грозовые облака
К нам воинственно плывут
Не спеша, издалека,

И везде такой покой...
Все здесь замерло на миг,
Только где-то за рекой
Слышен дикой птицы крик,

Только чувствуется связь
Между бурей, тишиной,
Только где-то затаясь,
Ждет свой час пейзаж иной.

IV

Алеет закат на далеких лугах,
И чем-то печалит меня,

И слабый отсвет на высоких стогах,
Как отблеск прошедшего дня,
Как отблеск прошедшего времени,
дел,
Как всё завершенье забот;
Один что-то сделать ещё не успел,
Другой же уже не найдёт...

Смотрю я вослед уходящему дню,
А он угасает вдали;
По тёмному небу плывут облака,
Похожие на корабли.

V

Нежно укрытые снежной периной,
Дремлют деревья в дремучем лесу,
Белой опутанные паутиной,
Лапки сосны напряглись на весу.

Вот и березка, как будто из теста,
Сбросив осенний наряд золотой,
Белая, пышная, точно невеста,
С бело-искрящейся лёгкой фатой.

Всё нам знакомо, и всё непривычно,
Жгучестью воздух наполнен стальной,
И разбросала контраст хаотично
Добрая фея над чудо-страной.

VI

Звонит ручей, поёт ручей
Хрустальным голоском,
И дно его усыпано
Сверкающим песком.

А он бежит куда-то вдаль,
Над ним не властвует покой,
А он бежит куда-то вдаль,
Мечтая стать большой рекой.

1985 г.

* * *

Р.П.

А есть ли бог?

Конечно, есть!

Но не свечой над образами...

Мы его лики носим сами,

Кто знает, что такое честь.

Есть бог. И он – твоя душа,

Твой сон,

твой разум и

обличье.

Но можно жить совсем по-птичьи:

Насрать –

и смыться, не спеша.

Есть бог! И он

в тебе самом

Как кодекс

правильнейших правил.

И если б Он

над нами правил,

Кто бил б тогда кому челом?

Но почему тогда кресты

На сотни миль по всей России?

Мы сами этого...

просили,

Мы сами –

это не простили.

Прости за нас хотя бы ты.

Ну хорошо. Ну пусть кресты,

А не безликий холмик суши

Взывает к свету наши души

Над вездесущьем суеты.

Кто жил всегда в ладу с собой

(Пусть не молился, свеч не ставил)

И не святой он, и – святой

За то, что сам свою жизнь правил,

Когда не стало в жизни правил

И мирозданье дало сбой...

А есть ли бог?

Конечно, есть!

Но не свечой под образами...

Мы его лики носим сами,

Кто знает, что такое – честь.

* * *

И.К.

Кто-то видит красивый букет.
– Ах, цветочки! Вы где покупали?
Чудный сверток, обычный пакет,
Их полно на базаре, вокзале.

И в толпе, может, кто-то поймёт...
Бездушность и холод оставит;
Вот сейчас паренёк подойдет
И меня с чем-то добрым поздравит.

Это вспышка незримой мечты
И земной откровенности слёзы:
Это, друг мой, не просто цветы,
Что поделаешь, розы есть розы.

* * *

Вечерние бары в рабочих посёлках,
Рабочие Лары в капроне и чёлках,
Рабочие дозы

в налитом графине,

Манящие позы

у каждой графини.

Рабочие губки,

рабочие ножки.

Рабочие груди

подняты немножко.

Рабочие парни все пьют

и хмелеют,

Рабочие парни

сегодня имеют...

В рабочих кварталах

рабочие звуки:

Удар, матерщина

и страстные муки,

Сегодня доставят

к рабочей больнице

Кого-то с рабочим ножом

в пояснице.

Неловко читать? Закричи,

что всё ложь!

Увы... Ты молчишь, ты ещё

что-то ждёшь.

* * *

Перезвоны церковей
С пересудами местных барыг.
Веры нет у людей,
Зато есть и пивцо, и балык.
С алтаря, да за стол,
С куполов «Жигулёвское» льётся.
Новый бар мест на сто:
В божьем храме доходно живётся.
До чего же модна
Старина, обличённая в золото.
Покажи, старина,
Что живём мы роскошно, богато...
Мы готовы продать за валюту
И память, и веру.
Так уступим церковное кладбище
Лунному скверу.
Пусть гуляют туристы
В сияющих «Найках» и «Пумах»
По надгробиям тех,
Кто столетьями жил в русских думах.
Мы продали б и Думы,
Но нет на них, видимо, спроса,
И пока только бар
Зажигает огни у откоса.

И пока наши гости лишь пиво
Да рыбку смакуют.
Да Христос со стены надывается:
«В храме торгуют?!»...

1990 г.

* * *

А.Ш.

Разбудите зарю,
 позовите в дорогу, друзья.
Я, как в детстве,
 хочу босиком по траве пробежать.
Разбудите зарю,
 привыкаю к обычнойности я,
Ну а помнишь, Сашок,
 на стогу мы любили лежать
И считать в небе звёзды –
 забытых надежд огоньки,
Говорить обо всём,
 что тревожило наши сердца,
И бежать, что есть сил,
 к тёплой глади лучистой реки,
Где, как в зеркале, небо,
 но что-то не видно лица...
Только тень... Это день
 отголоском прощальным звенел,
Это миг, словно сон,
 безоглядно в былое летел.
Всё, что силы давало,
 теперь навевает печаль...
Разбудите зарю,
 позовите в звенящую даль.

* * *

Ночь тени навела на фонарей ресницы
И парк прислушался к июньской тишине.
Вечернюю сонату отсвистели птицы, –
Покой и радость подарили мне.

А день уплыл, как уплывают в дали
В надежде возвращенья корабли,
И если вы его не очень ждали –
Ничто не потеряли, не нашли.

Но чересчур задумчиво и нежно
Ложится на аллею снова тень,
Чтоб ждать нам бессловесно, безнадежно,
Когда взойдёт зарёю новый день...

А, может быть, сегодня не напрасно
Я сам с собой чуть-чуть поговорю.
Задумайтесь, ведь это же прекрасно:
В строке родить когда-нибудь зарю.

Из поиска, сомнения, тревоги...
Родится пламя страстного огня.
Её рожают люди, а не боги,
Похожие на вас и на меня.

* * *

Я не скажу тебе сегодня: до свиданья,
И на губах оставя алый след,
Не буду ждать ответных слов прощанья,
Сегодня их не может быть и нет.

Не опускай глаза, моя родная,
Не бойся, не стыдись своей красы.
На нас глядит в окно луна шальная,
Играя золотом твоей косы.

А ночь задумчиво на город опустилась
И бережёт для нас двоих покой,
И, честно говоря, мне и не снилось,
Что можно отвести печаль рукой.

1987 г.

* * *

Бывает в жизни «вечная весна»,
И мы,
 как будто вырвались из плена...
Теперь ты веришь, милая,
 она
Не только
 в сотворениях Родена.

* * *

Хотела, как лучше;
 ну что же, я верю.
Не нужно мне льстить,
 оставайся такой...
Но только пойми,
 даже дикому зверю
И нежность нужна,
 и любовь,
 и покой.

* * *

Я устал от душевных скитаний
И от разной пустой суеты,
Я хотел исполненья желаний,
Если их загадала мне ты.

«Но не нужно загадывать много»
Вдруг негромкий услышал ответ;
Это правильно, это не строго,
Только искры мечтаний в нем нет.

Я метался, как птица в неволе,
А душа...словно рыба об лёд;
Мне бы только свободу, раздолье,
Ну а там уж – куда повезёт.

И поехал бы я, и помчался
И сквозь дождь, и сквозь снег,
и сквозь зной,
Только где-то чуть-чуть задержался,
...И опять возвращаюсь домой.

Возвращаюсь...спокойный, усталый,
Возвращаюсь такой, как всегда:
...Вместо грозной бушующей лавы
Вниз с откоса стекает вода.

* * *

Это просто зимний вечер
Давит чёрною тоской,
Это просто сильный ветер
Людам не даёт покой.

Это просто...Нет, сложнее,
Что огонь любви в очах,
Ну а жизнь, она нежнее
В ярких солнечных лучах.

Заливает щедрым светом
Сердце. Что ни говори,
И от счастья искра в этом,
И, как лучик, от любви.

* * *

Пусть уходит зима
как непрошенный зверь.
На прощанье февраль
распахнёт мою дверь,
Дунет чистою свежестью,
воздух пьяня,
На закате последнего
зимнего дня.
Встану я с первым вздохом
багряных теней
И шагну безрассудно, открыто
за ней...
А навстречу вбежит по
по ступенькам она,
Зарумянившись, первая
наша весна.

* * *

Вот бы так – не расставаться,
Никогда не уставать,
Вместе плакать и смеяться,
На судьбу не уповать.

Вот бы так – жить не в квартире,
А в объятиях росы,
И забыть, что в нашем мире
Есть разлука и часы.

Но в себе не замыкаться,
(Люди все же не кроты)
И не надо зарекаться
Быть мерилом доброты.

Как же стать хотя б частицей
Чистой капли родника,
Или гордой вольной птицей
Взмыть легко под облака.

Чтобы не было поверья
О корыстности души,
Чтоб высокое доверье
Не бренчало, как гроши,

А звенело звонко, лихо,
Как струна, а не пятак...
Но вокруг всё также тихо;
Только всё совсем не так.

Но я верю, верю, верю,..
Это жизни коридор,
Ну а там, за новой дверью
Щедрый солнечный простор.

Озарённый дивным светом,
Может, только там решу,
Или я рождён поэтом,
Или «просто так» пишу.

* * *

Не спрашивай. – Что же со мной.
Попробуй забыть суету;
Я нынче чуть-чуть неземной
И верю в любую мечту.

Играет речная волна
Под тенью склонившихся ив.
Не плачь за рекою, струна,
К чему этот мрачный мотив.

Уж если грустить, так светло,
По-русски, без злобы огня:
Отдай за холодность тепло,
Любовь от цинизма храня.

...Вдыхаю прохладу реки
И все, будто вновь узнаю:
Тепло твоей нежной руки
И милую кротость твою.

Не спрашивай. – Что же со мной.
Давай будем вместе мечтать.
Я нынче чуть-чуть неземной.
...А люди

умеют
летать!

1987 г.

* * *

Когда ликують люди – люди плачут.
Что эти слёзы в пониманье значат?
Не близость ли любви, добра и...зла?

Во всем найдешь ты противоположность,
И как узнать, нужна ли осторожность,
Чтоб не осталась от любви зола?

* * *

А помнишь, нежные снежинки
Кружились тихо над землёй,
На землю белую ложились
И осыпали нас с тобой.

И мир, как чистый лист бумаги,
Как удивлённый детский взгляд,
Как строки самой древней саги,
Весь город сказкою объят.

Казалось, миг недолговечен:
Пройдет зима, растает лёд,
И, может, время нашу встречу
В былое ветром унесёт...

Но разве кто-нибудь забудет
Тот вечер, пусть и снеговой,
Когда вдруг сердце что-то будит,
И видишь мир чуть-чуть другой...

Ты помнишь, ты, конечно, помнишь,
И не забыть нам никогда...
Я лишь теперь, наверно, понял,
Что это с нами навсегда.

1987 г.

* * *

Ты знаешь, лучше не встречаться
С любовью первой своей,
Обратно годы не промчатся,
Мелькая листопадом дней.

Не повторить того, что было,
А свежесть первых, милых губ
Губной помадой время смыло
(К чему об этом, ты не глуп).

Но память эхом отзовется,
Как будто в сердце память бьёт:
Увидеть, как она смеётся,
Узнать бы, как она живёт.

Как всё: и муж, и дочь, и дача,
Работа, кухня, магазин;
Смеётся, радуется, плачет
(Когда приносит двойки сын).

...Стоит девчушка в лёгком платье,
Прижав букетик роз к груди,
Ты что-то силишься сказать ей.
...Перрон остался позади.

Застыла горечь на мгновенье,
А оказалось – на года.
Не просят у любви прощенья,
Когда уходят поезда.

* * *

Любовь, она – не вздохи и не охи,
Любовь, она – горение дотла.
В ней ничего – от умного пройдохи.
Любовь не терпит жадности и зла.
Она, как лист осенний, терпелива,
Она, как риск, отчаянно смела,
Она не может красться боязливо...
Во все века любовь
такой была.

* * *

Я, наверно, вернусь,
Я таким же останусь, как прежде,
И к груди твоей нежной прижмусь,
Словно к алым цветам.

Я, наверно, вернусь,
Я мечты оставляю надежде,
Только светлую милую грусть
Никому не отдам.

С ней ложусь и встаю
В поздний час по приказу тревоги,
Вылетаю под танк, поражая
картонную цель,

Что скрывать: устаю,
И все снятся дороги, дороги...
И одна среди них убегает
в далёкий апрель.

В наш счастливый апрель,
А я верю, он будет счастливым,
Ведь зачем же тогда на земле
эта светлая грусть.

Через бездну недель
Станут пышными стройные ивы,
И тогда, на рассвете, к тебе
навсегда я вернусь.

1988 г.

* * *

За твои веснушки, за твою красу,
Хочешь, я весну тебе в дар преподнесу
На своей ладони, на виду у всех,
Чтоб звенел над лесом твой девичий смех.

Вечер заиграет золотом волос,
Растрепав упругость россиянских кос;
Поцелую в губы – чистую росу,
На руках богиню к солнцу вознесу.

Растопи улыбкой запоздалый снег,
Нежными лучами – взглядом из-под век,
И земля родная, в поле и в лесу,
Выпьет звон весенний за твою красу.

* * *

Я не уеду, не уйду:
Душа уже кричать устала.
И только, будто бы в бреду,
Пустая суета вокзала.

Часы не замедляют бег,
Но для перронного свиданья
Они быстрее горных рек,
И расставанья, расставанья...

Мы все бежим куда-то вдаль,
Но там, вдали, нам часто снится
Любовь в разлуке и – печаль...
И не забыть, и не забыться.

Шагнуть в распахнутый вагон,
Обнять тебя прощальным взглядом...
Поверь, что это просто сон,
Ведь я всегда с тобою рядом.

1989 г.

* * *

В.В.

Погас костёр, рассыпалась зола
И стало в этом мире одиноко,
Взгляни на небо, как оно высоко.
Ночное небо не приносит зла.

Его приносят те, кто в поднебесье,
Тебе же лучше, ты на небесах
Костёр небесный воскрешаешь песней
В своих, теперь спокойных, вечных снах.

Ты потому и взмыл туда, высоко:
Устал от равнодушия и лжи.
Тебе при жизни – было одиноко.
Ты сжёг себя до времени, до срока,
Не превратив в реальность миражи.

* * *

Назови себя счастливым,
Если чувствуешь весну,
Если слышишь шелест ивы;
Как порой они красивы,
Не под стать любому сну.

Назови себя счастливым,
Если сердце тянет вдаль,
Где ласкают звуки трели
И раскидистые ели
Сеют светлую печаль.

Назови себя счастливым,
Если рядом верный друг,
Если близко ваши плечи,
Ваши души, ваши речи
И кольцо надёжных рук.

Назови себя счастливым,
Если мама молодая,
Пусть душой... И дни считая,
Пишет весточки, любя.

Ты идёшь по жизни гордо,
А в огнях сверкает город,
И в саду весну встречают соловьи.
Посмотри, как всё красиво...
Не стесняйся быть счастливым,
Назови себя счастливым,
назови!

1987 г.

* * *

Не ищите меня, и нахмуривши взгляд,
Не зовите меня, не вернусь я назад.
Я не тот уж, увы, кто с судьбою играл,
Не молчал, как свеча,

и фортуны не ждал.

Есть какой-то предел у любого из нас,
И любить нараспашку мы можем лишь раз.
Но когда же придут пустота и покой...
...Да, таких уж не ждут.

– Помашите рукой.

* * *

В комнатах застыла тишина
инеем ночного полумрака.
В старых фотографиях стена,
на столе бутылочка от лака.
Плачут стекла каплями дождя,
а в душе лишь грусть, покой, усталость:
Все, что ты забыла, уходя,
все, что от тебя теперь осталось.
Только эта ночь не на века,
кто же в постоянство грусти верит.
...И в последний раз моя рука
прикоснулась к ручке синей двери.
Рухнула ночная тишина,
«Эх вы...люди» – шепчет дождь осенний.
В старых фотографиях стена,
смотрит в пустоту Сергей Есенин.
Как укор, его открытый взгляд,
и глаза горят огнем отчаянья...
Время не вернуть уже назад;
и не будет первого свидания.
«Первое» давно уж позади,
Словно миг в чудесной старой сказке...
Разбросала память наши дни,
Раскидала осень свои краски.

Видно, уж теперь не соберёшь:
Где и что, с годами позабыто...
Барабанит от бессилья дождь
Сквозь небес разорванное сито.

* * *

...Было все искусственно и тупо,
Я ушел оттуда, извини.
Может, признаваться в этом глупо.
Об одном прошу лишь,— не вини.

Я теперь совсем в другое верю,
И, уйдя со сцены в первый раз,
Скинув маску мелочных прикрас,
Хлопнул навсегда вагонной дверью.

* * *

Мне на судьбе начерчены дороги,
Потери, невозможно без потерь,
Мне на судьбе начертаны пороги,
Но лишь одна всегда открыта дверь.

Мне на судьбе начертаны ошибки,
Как всем: и горевать, и побеждать.
И слёзы, и упрёки, и улыбки,
Но только не скользить, не угодать.

И свет любви закатными часами,
И сны спокойно спящих сыновей,
И ровные морщинки над глазами
У самых дуг надвинутых бровей.

Мне на судьбе начертано доверье,
Как первые, наивные, цветы,
И маленькое чудо-ожерелье
Из сказочной несбыточной мечты.

Мне на судьбе начертано...

но всё же,

Как правильно порою угадать,
Когда и что особенно дороже?
И почему нас время судит строже
За то, что не умеем просто ждать?

* * *

Храни меня, любовь, от горечи и зла,
Храни меня, любовь, от глупостей и масок.
Хочу сгореть в огне, твоём огне, дотла,
Увидев все черты таинственнейших красок.

Храни меня, любовь, от скучных дум и снов,
Храни меня, любовь, но только не жалея,
Я не сказал ещё всех самых нежных слов,
Какую-то черту перешагнуть не смея.

Храни меня, любовь, от мотовских пиров,
От разных пошлых дел и просто от бездушья.
Я не узнал ещё всех самых нежных слов,
А, может, их ещё не научился слушать.

Храни меня, любовь, от быстротечья дней,
Прижмись ко мне, любовь, пылающей щекою.
...И я пойду за ней сквозь вёрсты лет и дней,
Прикрыв её в ответ надёжною рукою.

* * *

А.П.

Алое солнце утро разбудит,
Лучиком первым коснувшись земли.
И на земле снова весело будет.
Свежие росы искрятся вдали.
А по оврагам, над полем, над лугом
Первые пчёлки жужжат о своём.
Арка из радуги мчится за плугом,
Ведь веселее работать вдвоём.
Ласково стелются травы некошены
От дуновения ветерка.
Вроде, красивы, нарядны, не брошены,
А первозданны, и дики пока.

* * *

Я люблю тебя, Алиска.
Мой малюсенький Лисёнок.
Ты у сердца мамы близко
И не требуешь пелёнок.

Ты стучишь капризно ножкой:
Тесно, мол. И нету света.
– Да и жарко мне немножко,
А ведь скоро будет лето.

Мне бы выпрыгнуть с весною
И от счастья разреветься.
Но заплаканной такую
Как же буду я смотреться?

И, подумав так, Лисёнок
Задремал в своем клубочке.
Спи, кокетливый ребёнок.
Надо быть послушной дочке.

2000 г.

* * *

Чей же чубчик золотой, с завитушками?
Кто тут бегаёт босой, с погремушками?
«Нана» – мишку, «нана» – зайца,
«Нана» – показать китайца,

Рассмеяться от души...
До чего ж мы хороши!

Можем покрутить мы попой,
И сердито ножкой топать.
Можем крикнуть, что есть силы:
Мол, давайте, что просила.

Можем доброй быть и сладкой,
И смотреть на всех украдкой,
Можем «ко-ко-ко» вам спеть,
Любим ролики смотреть...

Много дел есть у Лисёнка:
Как у каждого ребёнка.
Но такой милашки нет,
Обойди весь белый свет!..

* * *

У Лисёнка лезут зубики,
Удивленью нет предела.
Не нужны теперь нам кубики:
Зубик – острый, зубик – белый.

Покусаться так и хочется,
Перегрызть бы все игрушки.
Захотелось поворочаться,
Тут досталось и подушке.

Впрочем, нет. Она не сладкая,
Погрызу-ка лучше соску.
Пусть она и с неполадками,
Но зато родная «в доску».

Глазки [!]полны оживления.
Зубик – острый, зубик – белый.
Интересное явление...
Подходи, кто нынче смелый?

Мама, мама, хватит нежиться.
Что погрызть еще – не знаю.
У меня ведь зубки режутся,
Дай, тебя я покусаю!..

* * *

Я – Лисёнок, я – кокетка:
Могу плюнуть кашу метко.
Если каши не хочу,
Я об этом не молчу.

Люблю сок, да сладкий самый,
Чтоб красивой быть – как мама.
Чтоб, как папа, сильной быть,
Молочко люблю я пить,

Ну а лучше – пюре с мясом,
Чтобы плавать в ванне брассом.
Воду очень я люблю
И подобно кораблю

Волны создаю руками
И барахтаюсь ногами.
Пока мама скажет: стоп!
На полу – сплошной потоп.

Не люблю я одеваться,
Тут ведь можно растеряться:
Сколько нужно пуговиц
Чтоб гулять на улице...

Люблю слоника и мишку,
Могу рвать руками книжку.

Люблю прятать я игрушки
Под диван и под подушки.

Люблю в зеркало смотреться,
Улыбнуться, повертеться.
Щечки – в папу. Губки – в маму,
Носик выбран лучший самый.

Бровки – южные мотивы,
Глазки – очень уж красивы
И умны...бывает редко,
Чтоб умна, да и кокетка.

А еще есть талия:
«Маде ин Италия»...

Чем я не красавица,
Чем могу не нравиться?!

* * *

Тяжёлое время – прощаться,
И снова туда, где не ждут,
И память должна защищаться,
А дни и недели идут.

Меняются мысли и лица,
Торопишься что-то успеть.
Как хочется вдруг мне забыться,
Закрыться и остановится,
Взять в руки гитару и спеть

О тех отдалённых, но близких,
Наполненных счастьем днях :
...Опять ты со мною, ты близко,
И взгляд твой ласкает меня.

И снова забыта тревога,
И снова сияют глаза.
«Пусть будет любовь и дорога,
Да счастье родного порога»,—
Как друг мой когда-то сказал.

* * *

Сгорело в памяти моей,
Ушло с туманом;
Всё, что казалось правдой дней,
Теперь – обманом.
И жизнь взметает идеал,
Который круче,
А я его сперва не взял,
Ища получше.
И, роясь в дымчатом былом,
Где пёстры краски,
Прошу судьбу лишь об одном:
Не ставить сказки.
Со сцены нынешнего дня
Ушли «герои»,
И очень важно для меня,
Что их лишь трое.
Я понимаю всё, как есть,
Но твердо знаю,
Что трусость, подлость, ложь и месть
Не принимаю.

* * *

А.К.

То ли буря, то ли гром
 в налитом стакане;
Только расплескался ром
 на рубашку Сане.
И от этого Сашок
 стал совсем недобрым.
«Съешь, Сашуля, пирожок,
 чтобы был он твёрдым...»
«Кто?.. Он?..» – вдруг опешил зять
 на заботу тёщи, –
«Что хотели Вы сказать?
 Говори попроще!"
И наотмашь по столу стукнул,
 как отрезал.
И добавил «матью в мать»:
 «Я б тебе щас врезал...»
Округлились глаза
 на лице у тёщи:
Перепутала, коза, дровню
 с дивной рощей.
(Так в народе говорят: спутать вахту
 с баней)
...Стоп-сигналами горят
 оба глаза Сани.
Ждёт ответа грозный зять.
 ...Не смутилась тёща:

«Где ж теперь ума-то взять,
я и так попроще.
Перепутала, сынок, сдобу
с огурцами,
Что забыли вы зимой на балконе сами,
Отморозились они,
и теперь так вялы.
Но я выбрала тебе
в банке лучший самый».
Хрустнул Саша огурцом
и оттаял: «Ладно,
Разливай, маманя, ром.
Будет все приглядно.
...Через час семейство их
отошло к покою:
Муж под креслицем затих,
кто-то спит с женою,
Снятся только теще сны:
...где звенят стаканы,
Где от Северной Двины
и до Казахстана
В праздник...
в грусть ли...
просто так...
Пьют мужчины наши.
За столом пьют...
Натошак...
Отдохнув...
Уставши...

И не буря, и не гром
 в налитых стаканах,
Просто водка, пиво, ром...
...К слову о баранах.

* * *

Что за дикое пижонство:
отменили двоежёнство.
Нет, чтоб дружной всей семьёй
заняться Анталиёй.
Снять большой, огромный номер,
чтобы мог нас всех вместить,
Чтобы каждый турок помер
от своей же зависти...
Но у нас законы – чванство,
И Россию не спасти.
А могли бы мусульманство
Кинуть так, как «мать ети»!

* * *

Была – Русь.
 Потом – хрусть...
Да не валенком.
Была грусть,
 останется пусть
По проталинкам.
Была – боль.
 Пережили.
 Не вновь
В миру – каяться.
Опять, опять
 в глазах твоих соль:
Снова маяться?..

«Где ж теперь ума-то взять,
я и так попроще.
Перепутала, сынок, сдобу
с огурцами,
Что забыли вы зимой на балконе сами,
Отморозились они,
и теперь так вялы.
Но я выбрала тебе
в банке лучший самый».
Хрустнул Саша огурцом
и оттаял: «Ладно,
Разливай, маманя, ром.
Будет все приглядно.
...Через час семейство их
отошло к покою:
Муж под креслицем затих,
кто-то спит с женою,
Снятся только теще сны:
...где звенят стаканы,
Где от Северной Двины
и до Казахстана
В праздник...
в грусть ли...
просто так...
Пьют мужчины наши.
За столом пьют...
Натошак...
Отдохнув...
Уставши...

* * *

Р.П.

Спасибо, сын, за нежность и тепло,
Недетское святое пониманье
О том, что надо жить всегда светло
И что недолги разочарованья.

За то, что нет секретов от тебя:
В свои двенадцать лет ты много знаешь.
И иногда, по-взрослому коря,
Ты детские поступки
нам прощаешь.

И не наивна детская душа.
Наивны те, кто этого не знает.
Кто, торопясь куда-то и спеша,
О самом главном
часто забывает.

Чем тот,
 что мы придумали с тобой:
Где ты – и я,
 и с нами наша дочь.
И пусть над миром опустилась ночь.
И завтра будет новая заря,
Но главное – что прожит день
 не зря.
Бывает ночь сладка,
 а вечер тих,
Когда уснула дочь,
 и ветер стих.
Когда любовь
 уснула сладким сном.
Устала за день,
 что грустить о нём...

* * *

Я теперь неделим,
я нашел ту между:
Между прошлым,
живу настоящим.
Я теперь –
не судим. И других –
не сужу,
Только жалость
к безвременно спящим.
Мне теперь не метаться,
и у алтаря
Не просить мне грехов отпущенья.
И хоть долго был путь,
но, пожалуй, не зря
Наступил этот миг очищенья.
«А любовь победит», –
говорила мне ты
В трудный миг расставаний,
разлуки.
И теперь наша крошка
в кровати сопит
И во сне сплетены
наши руки.
Мне теперь не нужна
никакая межа:
Нету прошлого – всё
в настоящем.
Лишь любовь –
над судьбою
в миру Госпожа,
Ну а грёзы –
безвременно спящим.

* * *

В.Л.

Уже не тридцать три,
но и не сорок.
Ещё не лыс совсем,
но не кудряв.
Уже пора в лицо знать всех,
кто дорог
И признаваться,
если был не прав.
Твои игрушки
стали вдруг дороже,
А игры –
и серьёзней, и сложнее.
Попробуй к жизни относиться
строже,
Чтобы потом
не потеряться в ней.
Уже не тридцать три,
но и не сорок.
Прекрасно,
что прошел период грёз.
И мир
не дорог так,
как ты
в нём дорог:
И не щенок уже,
но и не пёс.

* * *

Прощай, осенняя усталость,

Живём в преддверии пурги.

Что с нами было?

стало?

сталось?

Вросло,

вошло,

и там

осталось?..

А дальше?..

не видать ни зги.

Прощай...

осенняя усталость.

Постой...

расстаться не спеши.

Последней –

умирает жалость

К заветным уголкам души.

**Константин
Павлов**

П О Р О Г И

Фото автора
Корректор *О. Корешкова*

Подписано в печать 12.02.03. Формат 60х90 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times ET». Печать офсетная. Тираж 500. Заказ № 283.

Набор, верстка, печать издательско-полиграфическое производство
ОАО «Вологодская коммерческая компания»
160026, г. Вологда, ул. Преображенского, 28.